

нужно также отметить, что авторы правы, предполагая, что южноэстонский диалект, или язык бывшего племени угала, мог развиваться в совершенно самостоятельный прибалтийско-финский язык, если бы не были единными экономика, история и административная территория южных и северных эстонцев. Следовало бы добавить, что обилие водских черт в северо-восточном диалекте (Кодавере) эстонского языка имеет более позднее происхождение. Эти черты не являются исконными.

В заключение нужно отметить, что А. Раун как фактический издатель публикации тщательно отредактировал книгу. Мне попались на глаза лишь очень немногие опечатки: стр. 12, 18 ряд св. 'yes' вместо 'yes'; стр. 12, 6 ряд сн. maia вместо *maia*; стр. 28, 9 ряд сн. nāte вместо *nāete*; стр. 50, 9 ряд св. *kiuru* неправильно переведено на английский язык; стр. 63, 20 ряд св. *kūla* вместо *kūlä*.

ПАУЛЬ АРИСТЭ (Тарту)

<https://doi.org/10.3176/lu.1966.2.09>

М. Р. Федотов, Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, ч. I, Чебоксары 1965. 160 стр.

В 1965 году опубликована первая часть книги М. Р. Федотова «Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми», посвященная исследованию чувашско-марийских связей на основании языковых данных. Книга состоит из предисловия и четырех неодинаковых по объему глав. До последнего времени выяснением тюркских элементов в марийском и некоторых финно-угорских языках занимались в основном финно-угроведы. В настоящее время интерес к этому вопросу проявляют и тюркологи, о чем свидетельствует и названная работа М. Р. Федотова.

К чувашским заимствованиям, установленным в марийском языке предыдущими исследователями, автор рецензируемой книги добавил ряд новых слов. Новыми являются, например, следующие сопоставления: *йывыжи* 'тихоня' < чув. *йăваш* 'кроткий, тихий, смиренный' — татар. *юаш*, уйг., тур. *javash* 'смирный, кроткий; спокойный' (стр. 81); Г *айо* 'праздник' < чув. *ояв*, *уяв* 'празднование, праздник' — уйг. *айа* 'почитать, уважать', *айау* 'почитание' (стр. 138); Г *какар*

гаиш, Л *какаргаиш*¹ 'синеть, багроветь' < чув. сунд. *куакар*, *кавакар* 'синеть, багроветь' — чаг., койб., саг. *кӧгӧр* (*кӧк* + *ӧр*) 'зеленеть, становиться зеленым, синим' (стр. 88); Г *парне* 'подарок' < чув. *парне* 'подарок, дар, жертва' — кар. *бӧрнэ* 'подарок' (стр. 100).

Однако в работе имеется ряд ошибочных или недоказанных положений, на анализе которых считаем необходимым остановиться более подробно.

В работе явно преувеличено количество слов чувашского происхождения в марийском языке. Автор их доводит до 1200 слов. Объясняется это следующими обстоятельствами.

1. К чувашским заимствованиям в марийском языке причислен целый ряд слов, общих для чувашского и марийского языков, хотя из сопоставленных лексических единиц лишь марийские имеют свои параллели в родственных языках, что, несомненно, свидетельствует о заимствовании.

¹ Эти слова в книге даны в виде Г *кагараиш*, Л *кагараиш*, что является, по видимому, опечаткой.

нии чувашами соответствующих слов из марийского языка. Назовем несколько подобных случаев (с целью экономии места соответствия марийских слов из финно-угорских языков не приводятся, а указываются лишь источники, в которых рассматриваются этимологии этих слов): *кёртлеш* (стр. 90) < мар. *кёртлаш*, *кёртлаш* (MSFOu XLVIII 246); *мáшкáлтáк шывё*, сунд. *мáшкáлтáш шу* (стр. 97) < мар. *мушкылтыш* < *мушкаш* + *вуд*, *пёрне*, *пёрме* (стр. 103) < мар. *пурня* (SKES III 654—655), *тáрáш* (стр. 128) < мар. *тореш* (FUF XXXI 164), *шит* (стр. 69) < мар. *шит*, *шеч* 'пядь, четверть аршина' (MSFOu XLVIII 266), *сулá*, *солá* (стр. 113) < мар. *шол*: *кидишол* (SKES I 66), *тáпка* (стр. 60) < мар. *тупка*, *тылка* (MSFOu LXV 284), *сулá*, *солá* (стр. 62) < мар. *шоло*: *тер шоло* 'вязки между копыльями саней' (MSFOu XLI 56), *-скер* (стр. 38—39) < мар. *ўзгар*, *ўжгар* (SKES I 26; Егоров 192) и др. Автор рецензируемой книги считает чувашскими такие исконные слова марийского языка как *йытыр* (стр. 62), *кари* (стр. 60), *когыльо*, *Г кагыль* (стр. 64), *кутко* (стр. 61), *кышкар* (стр. 67), *лапка* (стр. 94), *лыве*, *лепене* (стр. 61), *пёрт* (стр. 62), *пучó* (стр. 60), *пушеге*, *Г шáчгы* (стр. 67), *чызе*, *Г цызы* (стр. 59), *шовыр*, *Г шавыр* (стр. 64). В статье, опубликованной позже², чувашские слова, сходные с вышеперечисленными, М. Р. Федотов рассматривает уже как заимствования из марийского языка, но в своих сопоставлениях между отдельными чувашскими словами и соответствующими им марийскими он сохраняет знаки = и ><. Эти знаки являются лишними также в следующих сопоставлениях: *йáмлан* = *йомаш* (FUF XXI 8), *кáмáш* = *кумыш* (FUFAnz. XXIV 53), *ленкес* = *лепез* (Веске 95), *пантá* = *пондо*, *Г панды* (Uotila 64), *шáлан* = *шулак*, *шуан* (Веке FUF XXIV 281—283), *яңгар* = *яңгар* (MSFOu XLVIII 240—241). Нельзя согласиться с выдвинутым

в упомянутой статье положением, что марийское слово *качы* 'горький; горечь', проникшее в язык сундырских чувашей, происходит от татарского *ачы* ~ *эче*³. Этимология марийских слов *Г качы*, *Л кочо* финно-угроведами установлена давно и никогда не подвергалась сомнению (SKES I 170—171). К сожалению, в статье М. Р. Федотова приведены не все марийские заимствования в чувашском языке, выявленные исследователями до этого.

Необходимо отделить марийские слова *вер*, *верын* (FUF XXXI 178) от чув. *вырэн* (стр. 78), *вурго* < *вурдо* (Kalima 177—178) от чув. *парка* (стр. 66), *лаке* (SKES II 307—308) от чув. *лакám* (стр. 94), *порьлык* (SKES III 490—491) от чув. *пурлáх* (стр. 106), *тора* (НСЭМН 34) от чув. *тавра* (стр. 124), *туркаш* (FUF XXXI 158) от чув. *тарáх* (стр. 126), *чоңгата* (MSFOu XLI 122) от чув. *тунката* (стр. 132), *шёр* (FUF XVIII 232) от чув. *сёт* (стр. 64), *шён* (MSFOu LXXII 16) от чув. *шáнёр* (стр. 153), *юмо* (SKES I 122) от чув. *юм* (стр. 157), *поңго* (KSz VIII 343) от чув. *кáмпá* (стр. 89), мокша-морд. *чуж* и эрзя-морд. *шуж* (FUF XI 239) от чув. *тёш* (стр. 132), мокша-морд. *кунда* и эрзя-морд. *кундо* (SKES I 157) от чув. *кунтá* (стр. 92) и др.

Чувашским заимствованием названо также марийское слово *лач* 'точно, как раз', хотя в других тюркских языках нет слов, сходных с чувашским *лач* (стр. 94). Слова, близкие к марийскому *лач*, находим лишь в финно-угорских языках, ср.: мокша-морд. *лац* '1) хорошо, здорово, основательно; 2) отчетливо; 3) плодотворно; 4) благополучно'; эрзя-морд. *лацемс* '1) налаживать, настраивать; мирить; 2) сватать', удм. *лач* '1) плотно; наглухо; 2) складно (говорить); 3) спокойно (держаться)'

По мнению М. Р. Федотова, из чувашского языка в марийский заимствованы также слова *мугыльо* 'шишка' (стр. 96), *чывышташ* 'щипнуть' (стр. 150), *шаргенче* 'гнида' (стр. 154), *шыгыль* 'бородавка' (стр. 155). Это утверждение кажется нам спорным. Дело в том, что близкие по звуковому составу слова, обозначающие

² М. Р. Федотов, Марийские заимствования в чувашском языке. — СФУ I 1965, стр. 255—266.

³ М. Р. Федотов, указ. раб., стр. 260.

подобные понятия, широко распространены как в тюркских⁴, так и в финно-угорских (даже прибалтийско-финских)⁵ языках. Вполне возможно, что эти слова как в финно-угорских, так и в тюркских языках представляют собой самостоятельные заимствования из какого-то одного общего источника.

Марийские слова известны не только в чувашском, но и в татарском и башкирском языках. Не перечисляя всех марийских заимствований в соседних тюркских языках, мы укажем лишь на мар. *Л кышыл*, Г *кышыл* 'ворох, куча зерна', которым в чувашском языке соответствует *кӱшӱл* 'ворох', татарском и башкирском — *көшөл* 'ворох'. По мнению М. Рясенена, слова, обозначающие ворох, не имеют ясной этимологии.⁶ Э. Беке считал, что в марийский язык они попали из чувашского языка.⁷ Такое же мнения придерживается М. Р. Федотов (стр. 66). В марийском языке слова *Л кышыл*, Г *кышыл* употребляются, кроме того, в значении 'обруч'. В последнем значении Ю. Тойвонен (правда, под вопросом) связывает их с фин. *kehlo* 'подойник; круглый деревянный клещ', удм. *kišil* 'дугообразный, кривой', коми-зыр. *kišil* (SKES I 176). Таким образом, слова *кышыл*, *кышыл* исследователи, исходя из их значений (хотя между ними существует вполне очевидная внутренняя связь), относят к раз-

ным лексическим пластам. Учитывая данные родственных языков, можно предположить, что в марийском языке более древним является значение 'обруч'. С этим значением чуваша заимствовали слово *кӱшӱл* 'обруч; кольцо, околыш', по всей вероятности, из лугового наречия, о чем достаточно убедительно говорит состав гласных заимствованного слова. Во втором значении, производном от первого, слова *Л кышыл*, Г *кышыл* проникли не только в чувашский, но и в татарский и башкирский языки: чув. *кӱшӱл* 'ворох' < мар. *Л кышыл* 'ворох', мар. Г *кышыл* 'ворох' > татар., башк. *көшөл* 'ворох'.

2. В категорию чувашских заимствований включено много слов, вошедших в марийский язык из татарского. Татарские заимствования, как показал М. Рясенен, бытуют не только в марийском, но и в чувашском. В чувашском финский исследователь относил к ним в первую очередь те слова, в которых гласному *a* первого слога чувашского языка в других тюркских языках также соответствует *a*.⁹ Мнение это было поддержано В. Г. Егоровым.¹⁰ М. Р. Федотов с установившейся точкой зрения не соглашается. Доводы, выдвинутые им в возражениях против мнений М. Рясенена и В. Г. Егорова (стр. 15—16), представляются нам малоубедительными: во-первых, арабско-персидские слова встречаются не только в чувашском, но и во всех тюркских языках; во-вторых, в марийском языке слов с гласным *a* в первом слоге, в которых морфологические показатели говорили бы об их чувашском происхождении, имеется, по признанию самого автора, крайне мало.

Одним из интересных в историческом вокализме чувашского языка является вопрос о переходе *a > o*. М. Р. Федотов, исходя из того, что процесс огубления *a* наблюдался в целом ряде тюркских языков, выдвигает предположение, согласно которому «оканье в чувашском языке

⁴ В. Г. Егоров, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары 1964, стр. 130, 323, 335, 337—338.

⁵ Y. H. Toivonen, E. Itkonen, A. J. Joki, Suomen kielen etymologinen sanakirja II, Helsinki 1958, стр. 350; Y. Wichmann, Zur geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden affrikaten. — FUF XI 1911, стр. 193; H. Paasonen, Die finnisch-ugrischen s-laute (= MSFOu XLI), Helsinki 1918, стр. 39—40; E. Itkonen, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen. — FUF XXXI 1953—54, стр. 184.

⁶ M. Räsänen, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen (= MSFOu XLVIII), Helsinki 1920, стр. 247.

⁷ Ö. Beke, Zur geschichte der finnisch-ugrischen s-laute. — FUF XXII 1934, стр. 120.

⁹ M. Räsänen, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen, стр. 73.

¹⁰ В. Г. Егоров, Современный чувашский литературный язык, Чебоксары 1954, стр. 113.

возникло на тюркской основе» (стр. 14). С этой точки зрения совершенно непонятно, почему в чувашских заимствованиях гласному *o(y)* оригинала, выступающему на месте *a* других тюркских языков, в горном наречии марийского языка соответствует *a*. Такое звукосоответствие не является чем-то случайным, оно свидетельствует, несомненно, о том, что подобные болгарские слова, называемые обычно чувашскими заимствованиями, проникли в основу горного наречия до огубления *a > o*. Предки же луговых марийцев заимствовали соответствующие чувашские слова уже после того, когда древний *a* в языке-источнике сменился гласным *o*, например: мар. *Г парсын* 'шелк' < чув. *paršjn (ср. каз. *баршыны*) > *poršjn* > мар. *Л порсын* 'шелк'. В этот период предки современных горных и луговых марийцев, очевидно, были разъединены, что вполне допустимо для эпохи конца I и начала II тысячелетия. Только разобщенностью двух территориальных групп марийцев можно объяснить то, что чувашские слова с *a* в первом слоге, проникшие в горное наречие, в луговом, за исключением немногих, таких как *парня* 'палец', почти неизвестны, с другой стороны — из чувашских слов с *o* в первом слоге, заимствованных луговыми марийцами, многие в языке горных отсутствуют. Через некоторое время связь между обособившимися марийскими группами, по-видимому, восстановилась, о чем свидетельствуют общие для луговых и горных марийцев чувашские слова с губным *o* в начальном слоге, например: мар. *окса* 'деньги' < чув. *окса* 'деньги' (ср. уйг. *ахча* 'деньги'), мар. *олма* 'яблоко' < чув. *олма* (ср. уйг. *алма* 'яблоко'). К началу татарского влияния переход *a > o* в чувашском языке в основном прекратил свое действие, а в луговом наречии марийского языка этот процесс, развивавшийся, по-видимому, с некоторым опозданием, захватил также несколько татарских слов с первоначальным *a*, которые М. Р. Федотовым почему-то рассмотрены как чувашские заимствования, например: чув. *тамаша* 'удивительное зрелище, безвыходное положение' (стр. 125) < татар. *тамаша* 'зрелище, представление; созерцание, осмотр' > мар. *Л томаша* 'переполох, скандал'; чув. *чармак* 'корявый, искрив-

ленный; растопыренный' (стр. 26) < татар. *тармак* 'ветвь, ветка; отрасль; рукав' > мар. *Л тормак* 'отросток; рукав (речки); ветвь'. В подавляющем большинстве татарских заимствований гласный *a* оригинала в обоих соседних языках передается как *a*, например: чув. *хапка* 'ворота' < татар. *капка* 'ворота' > мар. *капка* 'ворота'; чув. *такмак* 'припев, куплет, частушка' < татар. *такмак* 'частушка' > мар. *В такмак* 'частушка'. Вместе с собственно тюркскими словами в чувашский и марийский языки через татарский влилась масса слов арабско-персидского происхождения. В арабско-персидских словах, перешедших в чувашский из татарского языка, переход *a > o* не прослеживается. Этим, очевидно, поздние заимствования из арабского и персидского языков отличаются от более ранних, проникших непосредственно в болгарский язык, арабско-персидских заимствований с древним *a*, которые были затронуты названным звуковым процессом, например: мар. *Г шавын'*, *Л шовын*, *В совын* 'мыло' < чув. *sövän, süvän* — татар. *sabun* и т. д. < араб.¹¹ Отдельные слова арабско-персидского происхождения попали в марийские диалекты из разных тюркских языков, например: мар. *Л туня* 'мир, вселенная, свет' < татар. *dönjä* 'мир, свет', башк. *dönja*, кирг. *dünjü*, тур. *dünja*, чув. *ionďžē* > мар. *В tündža* (араб.).¹²

Многие татарские слова марийского языка, в особенности восточного наречия, в анализируемой книге фигурируют как чувашские заимствования, например: *азан* (стр. 72), *аркалык* (стр. 63), *зиян* (стр. 112), *кокрыаш* (стр. 88), *кӧра* (стр. 92), *кӧрага* (стр. 90), *куат* (стр. 140), *мал* (стр. 97), *мыйык* (стр. 96), *намыс* (стр. 98), *начар* (стр. 98), *насыл* (стр. 99), *нашмак* (стр. 98), *негыз* (стр. 99), *осал* (стр. 138), *пай* (стр. 99), *пакча* (стр. 65, 100), *пашмак* (стр. 107), *перемеч* (стр. 108), *пӱтӱнь* (стр. 104), *ракмат* (стр. 108),

¹¹ M. Räsänen, Die tschuwassische lehnwörter im tscheremissischen, стр. 209.

¹² M. Räsänen, Die tatarischen lehnwörter im tscheremissischen (= MSFOu L), Helsinki 1923, стр. 73.

ракатланиш (стр. 108), сары (стр. 109), суран (стр. 110), емыж (стр. 119), такыр (стр. 124—125), тамык (стр. 125), тар (стр. 126), там (стр. 129), тозан (стр. 133), топса (стр. 128), төрә (стр. 134), төшак (стр. 135), тукум (стр. 129), тырлаш (стр. 150), чалыш (стр. 147), чарша (стр. 148), чевер (стр. 150), чер (стр. 151), четлык (стр. 151), чолак (стр. 148), чортан (стр. 118), чоя (стр. 149), чувар (стр. 148), чытыш (стр. 149), узьмак (стр. 58), шекланиш (стр. 115), шыма (стр. 153), янак (стр. 159), явык (стр. 159). М. Рясänen перечисленные слова марийского языка считает татарскими заимствованиями, что, по нашему мнению, совершенно правильно. Татарскими заимствованиями являются также слова *дәрт* (стр. 129), *наян* (стр. 98), *өрәчә* (стр. 139), *реза* (стр. 108), *чакыр* (стр. 147), *чалвар* (стр. 64), *чөвык* (стр. 152), *ырым* (стр. 58), *ялан* (стр. 158) и некоторые другие.

Чув. *майсәр* (стр. 95) следует отделить от мар. *оңайсыр* 'неудобный, неинтересный' < чув. **оңгайсәр; иңгај, әңгај* < татар. *әңгај, иңгај*.¹³

3. Как отдельное чувашское заимствование рассматривается каждая производная форма, например: *асап*, *асап + лан*, *асаплан + тар*, *асап + лә* (стр. 72); *кан*, *кан + аҫ*, *канәҫ + сәр*, *кан + лә*, *кан + ләх* (стр. 85—86). Нетрудно увидеть, что при подобном методе анализа один и тот же суффикс, приклеивающийся к разным корням, предстает как самостоятельное заимствование, ср.: *-лан-: асаплан > азапланиш* (стр. 72), *ачалан > йочаланиш* (стр. 73), *намәслан > намысланиш* (стр. 98), *пәслан > пусланиш* (стр. 102); *-тар-: асаплантар > азапландараш* (стр. 72), *ашкәнтар > ажындараш* (стр. 74), *килештер > кельштараш* (стр. 91); *-ло (-лө, -ле): асаплә > азапле* (стр. 72, 73), *йүнлө > йөнлө* (стр. 84), *сәтлә > сүтлө* (стр. 118).

К тому же не все общие для марийского и чувашского языков суффиксы, рассмотренные в книге, являются чуваш-

скими. Об отдельных суффиксах тюркского происхождения в марийском языке (например: *-lan-, -lar-*) сказать категорически, что они являются чувашскими, просто невозможно, ибо подобные суффиксы в тех же самых словах встречаются в татарском языке. Здесь нужны новые исследования.

Автор рецензируемой книги называет чувашскими некоторые общие для марийского и чувашского языков аффиксы, имеющие генетические соответствия лишь в финно-угорских языках, например, суффиксы *-ka* (стр. 28), *-la* (стр. 34—35), *-la* (стр. 40), *-үдә-* (стр. 47), *-eške* (стр. 29—30).

Рассмотрим эти образования в отдельности.

В марийском языке суффикс *-ka* образует имена существительные и прилагательные, например: *вудылка*, Г *вудылка* 'сверток' < *вудылаш*, Г *вудылаш* 'завертывать, обвертывать, мотать', *кужика*, Г *кужика* 'продолговатый' < *кужу* 'долгий, длинный; длина'. Первоначально этот суффикс имел уменьшительное значение, но в современном языке оно осознается неясно.¹⁴ Наличие суффиксов, идентичных указанному марийскому, Ю. Вихман отмечает в мордовском, финском, саамском, коми, удмуртском, венгерском и мансийском языках.¹⁵ Суффикс *-ka*, по его мнению, присутствует в чувашском слове *эмалә, тәлге* 'тень, силуэт, привидение'.¹⁶ Т. Лехтисало приводит суффиксы, соответствующие марийскому *-ka*, также из самодийских языков.¹⁷

Суффикс *-la* образует наречие образа действия с оттенком сравнительного значения и уподобления, например: *йочала* 'по-детски' < *йоча* 'дитя', *ушанла* 'поумному' < *ушан* 'умный', *палышыла* 'как знающий' < *палыше* 'знающий'.¹⁸ Ю. Вих-

¹⁴ Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола 1961, стр. 89—90.

¹⁵ Y. Wichmann, Beiträge zur tscheremissischen nominalbildungslehre. — JSFOu, XXX, стр. 13.

¹⁶ Y. Wichmann, указ. раб., стр. 12.

¹⁷ T. Lehtisalo, Über die primären uralischen ableitungssuffixe (= MSFOu LXXII), Helsinki 1936, стр. 359—370.

¹⁸ Современный марийский язык. Морфология, стр. 280—281.

¹³ M. Räsänen, Neue tscheremissische und tschuwassische wörterbücher nebst etymologien auf grund derselben. — FUFAnz. XXIV 1937, стр. 50.

ман считал *-la* показателем особого падежа *modalis comparativus*. Этот суффикс, отмечает он, заимствован чувашами из марийского языка и выступает в выражениях *χṛarəmla aržin* 'мужчина, похожий на женщину, гермафродит', *šojttanla taŋa* 'дьявольская женщина', *ḱšəvašla kənege* 'чувашская книга'.¹⁹ Общий по происхождению с рассмотренным *-la* — суффикс *-la*, выступающий в наречиях со значением неопределенной направленности, например: *кушкыла* 'вверх, в сторону верха', *улыкыла* 'вниз, в сторону низа'. К последнему суффиксу *-la* марийского языка близок чувашский аффикс *-lla* (*-lle*), служащий для обозначения направления действия, например: *Шупашкаралла* 'по направлению к Чебоксарам'. Рассмотренный суффикс *-la*, имеющий в марийском языке два значения, восходит к уральскому *l*-овому суффиксу.²⁰

Нельзя считать правильным мнение о том, что суффикс *-yăž-*, выступающий в глаголах *вългыжаш*, *йолгыжаш*, *йылгыжаш*, *чолгыжаш*, *лоргыжаш*, является чувашским. Суффикс *-kăš-* (*-kəš-*), сходный с марийским *-yăž-*, в чувашском языке выступает как простой морфологический элемент. В марийском же языке данная морфема представляет собой сложное образование, которое состоит из простого суффикса *-y-*, восходящего к финно-угорскому многократно-длительному *k*-овому суффиксу²¹, и суффикса *-ăž-*, имеющего параллели в ряде финно-угорских языков.²²

Искусственным представляется отождествление показателя активного причастия *-še* (*-šo*, *-šö*) в словах *палыше* 'знающий', *шогальше* 'пахарь', *шойыштишо* 'лгун, врун', *тулышо* 'мяльщик' с чувашским

аффиксом *-šə* (*-šə*) в словах *пӧлүсӧ*²³, *сухаçă ~ сохаçă*, *суеçсӧ*, *тылăçă* (стр. 24). Сопоставленные слова, имеющие общий корень, принадлежат к разным частям речи, так как суффиксы, при помощи которых они образовались, в марийском и чувашском языках не идентичны по значению: в чувашском языке аффикс *-šə* (*-šə*), присоединяемый к именам существительным, обозначает лиц по роду их занятия²⁴, ср.: *пелү* 'знание, познание' + *çə* = *пӧлүсӧ* 'знаток'; *суха* 'соха' + *çă* = *сухаçă* 'пахарь, земледелец'; *суя* 'ложь, неправда, выдумка' + *çə* = *суеçсӧ* (*суяç*) 'лжец, болтун, врун'; *тыла* 'мялка, трепалка' + *çă* = *тылаçă* 'мяльщик' (этот тип образования имен существительных имеется и в марийском языке²⁵, например: *кол* 'рыба' + *зо* = *колызо* 'рыбак', ср. чув. *пулă* 'рыба' + *çă* = *пулăçă* 'рыбак'; *муро* 'песня' + *зо* = *мурызо* 'певец', ср. чув. *юрă* 'песня' + *çă* = *юрăçă* 'певец'), между тем в приведенных марийских примерах аффикс *-še* (*-šo*, *-šö*) образует активные причастия глаголов, происшедших от имен существительных, причем суффикс инфинитива *-aš* присоединяется к корням существительных²⁶ в одних случаях непосредственно, например: чув. *тылă* > мар. *туле* 'мялка' + *аш* = *тулаш* 'мять' + *-(ы)шо* = *тулышо* 'мяльщик', в других случаях — опосредствованно, например: чув. *суха*, *соха* > мар. *шога* 'соха' + *ал* + *аш* = *шогалаш* 'пахать' + *(ы)ше* = *шогальше* 'пахарь'; чув. *суя*, *соя* > мар. *шоя* 'сказка, небылица' + *ышит* + *аш* = *шойыштиш* 'лгать, врать, обманывать' + *шо* = *шойыштишо*

²³ М. Ряснен марийский глагол *палаш*, от которого образуется причастие *палыше*, сопоставлял лишь с чувашским *палла* 'знать, замечать', отделив его от глагола *пӧл* 'знать, уметь, смыслить' (М. Räsä-pen, указ. раб., 1920, стр. 174). С последним замечанием М. Ряснена автор рецензируемой книги как будто соглашается (99—100), но на стр. 103 глаголы *Г пӧлаш*, *Л палаш* марийского языка снова связывает с чувашским *пӧл*.

²⁴ Материалы по грамматике современного чувашского языка I, Чебоксары 1957, стр. 45; Чувашла-вырăсла словарь, Чебоксары 1954, стр. 308.

²⁵ Современный марийский язык. Морфология, стр. 87—88.

²⁶ Там же, стр. 241.

¹⁹ Y. Wichmann, указ. раб., стр. 19.

²⁰ T. Lehtisalo, указ. раб., стр. 152—156.

²¹ И. С. Галкин, Суффиксальное образование глаголов в современном марийском языке. Автореф. дисс., Тарту 1956, стр. 7.

²² T. Lehtisalo, указ. раб., стр. 202—205.

'лгун, врун, обманщик'. Кроме того, суффикс *-šā* (-šā) чувашского языка²⁷ и суффикс *-še* (-šo, -šö) марийского языка²⁸ различны по своему происхождению.

Недостаточно аргументировано утверждение М. Р. Федотова о заимствованном характере марийского суффикса *-eške*. Значение, сфера употребления и история происхождения данного суффикса обстоятельно исследованы Н. И. Исанбаевым.²⁹ По лексико-семантическому признаку слова, имеющие в своем составе формант *-eške*, относятся к двум частям речи — к именам существительным и прилагательным. С суффиксом *-eške*, употребляемым в некоторых прилагательных, в таких как *йыргешке* = *йыргешкы* 'круглый', *тыртешке* 'круглый', имеет определенную связь чувашский суффикс *-ška* (-ške), образующий имена прилагательные от существительных, прилагательных и отдельных глаголов, например: *чирлешке* 'склонный к болезням' от *чирлэ* 'больной'. Данная связь не отрицается также автором рецензируемой книги. По вопросу о том, на какой почве — марийской или чувашской — возник указанный суффикс, эти исследователи придерживаются диаметрально противоположных точек зрения. Н. И. Исанбаев считает, что в чувашский язык суффикс *-ška* (-ške) проник из марийского. Свое предположение он обосновывает тем, что указанная морфема, хотя и не с одинаковой степенью продуктивности, встречается во всех марийских диалектах, в то время как в чувашском языке суффикс *-ška* (-ške), соответствующий марийскому *-eške*, известен лишь в верховом наречии, расположенном в непосредственном соседстве с марийским языком. Однако последнее замечание Н. И. Исанбаева об ограниченной распространённости названного аффикса в чувашском языке, сделанное на основе данных Н. И. Ашмарина, оказалось неправильным, ибо суффикс *-ška* (-ške) встречается во всех

чувашских диалектах. Это обстоятельство, по мнению М. Р. Федотова, является серьезным основанием для предположения о заимствовании рассматриваемого суффикса марийцами из чувашского языка. Употребление морфем в масштабе всего языка не всегда служит надежным критерием при определении их исконного или заимствованного характера. Весьма важным здесь следует считать морфологический анализ с последующим выявлением родственных элементов в других языках. Н. И. Исанбаев в рассматриваемом форманте выделяет два первичных элемента *-ešk*, *-e*. По его мнению, первый из них является суффиксом отыменных глаголов с транслативным значением и восходит к домарийскому суффиксу **-sk*, второй же элемент представляет собой суффикс отглагольного прилагательного. Утверждение Н. И. Исанбаева о сложном характере марийского суффикса *-eške* у М. Р. Федотова вызывает сомнение. В рецензируемой книге не приведены суффиксы других тюркских языков, соответствующие чувашскому *-ška* (-ške). Однако отсутствие материальной базы не помешало ее автору сделать вывод, «что прототипом марийского *-eшке* является чувашский аффикс *-шка* (*-ешке*)» (стр. 30).

Н. И. Исанбаев при исследовании истории *-ешке*, к сожалению, не опирался на другие работы, в которых рассматривались марийские слова с данным суффиксом, вследствие чего он, по-видимому, не сумел правильно определить компоненты, составляющие сложный формант *-eške*. Ю. Вихман в словах *йыргешке*, *тыртешке* выделяет в качестве особого суффикса элемент *-ke* и приводит его соответствия из саамского и прибалтийско-финских языков.³⁰ Т. Лехтисало элементы, общие с марийским *-ke*, находит, кроме того, в мансийском, хантыйском и самодийских языках.³¹ Компонент *-eš*, выступающий в указанных словах, не анализируется финскими языковедами. Однако не может быть сомнения в том, что это отдельный суффикс, ср.: *тыртешке* 'круглый' — *тыртыш* 'круг, кружок' — *тырташ* 'кружить-

²⁷ M. Räsänen, указ. раб., 1920, стр. 32.

²⁸ И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка, Йошкар-Ола 1964, стр. 163—164.

²⁹ Н. И. Исанбаев, К вопросу о происхождении суффикса *-ешке* в марийском языке. — Труды МарНИИ, вып. XIII, Йошкар-Ола 1960, стр. 65—71.

³⁰ Y. Wichmann, указ. раб., стр. 8—9.

³¹ T. Lehtisalo, указ. раб., стр. 340—343.

ся, кататься' — *тыртыкташ* 'катать' — *тыртын каяш* 'покатиться' (примеры взяты из упомянутой работы Н. И. Исанбаева, стр. 66—67), *тыртыка* 'круг, кружок'. В марийском языке в отличие от чувашского при помощи аффикса *-eške* образуется также имя существительное со значением действующего лица, например: *йолешке* 'пешеход' < *йол* 'нога'. Это значение, вторичное по своему происхождению, возникло, нужно полагать, после того, когда тесные связи между марийским и чувашским языками были прерваны.

В чувашских заимствованиях марийского языка М. Р. Федотов находит суффиксы: *-tak* (стр. 26), *-ma* (стр. 27), *-ak* (стр. 27), *-kăċ* (*-yăċ*) (стр. 27), *-a*, *-ja*, *-e*, *-o*, *-ă* (стр. 27—28), *-taš* (стр. 28), *-ăy-* (стр. 44), *-yăr-* (стр. 47). Перечисленные суффиксы морфологически выделяются лишь в чувашском языке, в марийском же эти аффиксы, выступающие в оригинале как отдельные морфемы, не различаются; они вместе с корнем, который вычленяется в языке-источнике, составляют непроемную основу.

М. Р. Федотов объявляет чувашскими в марийском языке также показатели 1 и 3 лица глаголов единственного числа,

при этом он не считается ни с фактами финно-угорских языков, ни с имеющейся по данному вопросу литературой.

4. К разряду слов чувашского происхождения без пояснений отнесены русские заимствования, общие для марийского и чувашского языков, например: *лашман* < *лоцман* (стр. 59), *салтак* < *солдат* (стр. 59), *пычал* < *пицал* (стр. 59), *шипка* < *зыбка* (стр. 63), *уржа* < *рожь* (стр. 65), *озым* < *озимь* (стр. 66), *шăжан* < *сажень* (стр. 67).

Мы указали на четыре обстоятельства, которые, по нашему мнению, привели автора рассматриваемой книги к ошибочному выводу о том, что якобы в марийском языке бытует около 1200 слов чувашского происхождения. Безусловно, в марийском языке представлено большое количество чувашских заимствований, однако не 1200 слов, как утверждает М. Р. Федотов.

Автор рецензируемой книги, по-видимому, использовал не все финно-угорские исследования, касающиеся вопросов этимологии слов и исторической грамматики марийского языка, поэтому он вопреки лингвистическим данным некоторые слова и грамматические элементы, общие для марийского и чувашского языков, приписал последнему.

СОКРАЩЕНИЯ

Веске — М. Веске, Славяно-финские культурные отношения по данным языка, Казань 1890;

Егоров — В. Г. Егоров, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары 1964;

НСЭМН — Научная сессия по этногенезу марийского народа (Тезисы докладов и сообщений), Йошкар-Ола 1965;

Beke FUF XXIV — Ö. Beke, Worterklärungen. — FUF XXIV 1937;

FUF XXIV — P. Ravila, Über das finnisch-ugrische komparativsuffix. — FUF XXIV 1937;

FUF XVI — K. Krohn, Über Ortsnamen in den gesängen des archangelschen Kareliens. — FUF XVI 1923;

FUF XVIII — Y. Wichmann, Mord. (Paas.) *lango*, *langa* 'oberfläche, äussere'. — FUF XVIII 1927;

FUFAnz. XVI — Y. Wichmann, Zur Frage der indogermanischen lehnwörter im finnisch-ugrischen. — FUFAnz. XVI 1923—1924;

FUFAnz. XXIV — M. Räsänen, Neue tscheremissische und tschuwassische wörterbücher. — FUFAnz. XXIV 1937;

Kalima — J. Kalima, Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat, Helsinki 1936;

MSFOu XLI — H. Paasonen, Die finnisch-ugrischen s-laute (= MSFOu XLI), Helsinki 1918;

MSFOu XLVIII — M. Räsänen, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen (= MSFOu XLVIII), Helsinki 1920;

MSFOu LXV — T. E. Uotila, Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen (= MSFOu LXV), Helsinki 1933;

MSFOu LXXII — T. Lehtisalo, Über die primären uralischen ableitungssuffixe (= MSFOu LXXII), Helsinki 1936;

SKES I, II, III — Suomen kielen etymologinen sanakirja I, Helsinki 1955; II, Helsinki 1958; III, Helsinki 1962;

Uotila — T. E. Uotila, Syrjänische Chrestomathie mit grammatischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis, Helsinki 1938;

каз. — казахский язык; **кар.** — караимский язык; **койб.** — койбальский диалект хакасского языка; **мар. Г** — горное наречие марийского языка; **мар. Л** — луговое наречие марийского языка; **мар. В** — восточное наречие марийского языка; **саг.** — сагайский диалект хакасского языка; **уйг.** — уйгурский язык; **чаг.** — чагатайский (староузбекский) язык.

Д. Е. КАЗАНЦЕВ (Йошкар-Ола)